

Думается, такое обращение уже свершилось. Можно даже утверждать о коренном переломе в отношениях между риторикой и философией, риторикой и логикой. В этом плане привлекает внимание специалистов вышедшая в 1958 году книга бельгийских ученых Х. Перельмана и Л. Ольбрехт–Титеки «Новая риторика», идеи которой явно расходятся с устоявшейся традицией. Во главу угла авторы ставят способы убеждения аудитории с помощью прежде всего речевого воздействия.

Но нельзя забывать о более ранних разработках этих же идей русским логиком С. И. Поварнинным в талантливо написанной книге «Спор. О теории и практике спора» (Пг., 1918). Эта книга является ярким образцом практической логики. Она учит приемам, освоение которых совершенно необходимо для выработки культуры дискуссии, способности понимания собеседника, без чего невозможен, как известно, плодотворный диалог.

Как видим, риторика возвращается к своим истокам, к идеям, которые отстаивали Сократ, Платон, Аристотель. Возрождается широкое (общелитературное, лингвистическое и даже философское) значение риторики как теории эффективной речевой коммуникации, как знания о приемах речевого убеждения и законах речевого воздействия на человека. В настоящее время «новая риторика» разрабатывается во многих странах – в США (Г. Джонстон), в Нидерландах (Р. Гроотендорст, Ф. ван Еемерен), в России (А. А. Ивин).

Источники и литература

1. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. – 1999. – № 11.
2. Аристотель. Топика. – VIII, 5.
3. Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 328.
4. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики (извлечения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч. I.
5. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

Коротченко Ю.М.

ОНТОЛОГИЯ У. ВАН О. КУАЙНА: ОТ ТЕЛ К КЛАССАМ

*Слова сопровождают мысли о чем угодно,
и лишь в той мере, в какой мысль
выражена в слове, мы можем
четко осознать ее.
У. ван О. Куайн*

Целью настоящей публикации является реконструкция в основных моментах онтологической модели, разработанной американским философом и логиком, методологом науки Уиллардом ван Орманом Куайном. При этом мы выделим в онтологии языка Куайна как внутрилогические, так и внешние по отношению к логике, прикладные аспекты. Первая часть статьи будет содержать анализ изысканий Куайна на предмет критики естественного (обыденного) языка, во второй же мы обратимся к проблеме границ мира, моделируемого в языке с онтологией, предложенной Куайном.

Программой для нас работой американского логика является статья «Вещи и их место в теориях», вышедшая в 1981 году. Она во многом обобщает и уточняет онтологические взгляды Куайна, ранее излагаемые, в частности, в таких работах, как «Обозначение и существование» (1939), «Об универсалиях» (1947), «Об онтологических взглядах Карнапа» (1951), «С логической точки зрения» (1953), «Две догмы эмпиризма» (1951), «Слово и объект» (1960).

Основным вопросом, которым задается Куайн, является вопрос о том, как возможны наши рассуждения, выражаемые посредством языка, о внешних языку объектах? Очевиден онтологический статус проблемы: речь идет о существовании объектов внутри и вне языка. При этом, если внешние языку объекты действительно существуют, то языковые – принимаются. Тогда существование языковых объектов коррелятивно их принятию. Когда же, в свою очередь, говорится не о языке вообще, а о каком-то данном языке, то имеется в виду язык науки, построенный по систематически заданным правилам. Итак, первое редуцирующее допущение, принимаемое Куайном, состоит в том, что «вопрос о принятии объектов есть вопрос о **вербальном указании** (выделено мной – Ю.К.) на объекты» [1, с. 322]. Еще одно допущение (столь же редуцирующего свойства) касается ограничений в отношении языка науки и самой науки: наука представляет собой «концептуальное средство для связи одного сенсорного возбуждения с другим» [там же], и экспликация механизма такого связывания возможна только посредством языка с четко сформулированными критериями принятия объектов (как конкретных и внешних – люди и их нервные окончания, палки, камни, так и абстрактных – классы, числа).

Вербальное указание есть не что иное, как референция. Что же нужно «отредактировать» в обыденном языке, чтобы референция была удовлетворительной? Вербальное указание может быть объективным, говорит Куайн, или не быть таковым. Так, в процессе освоения языка мы неизбежно проходим стадию необъективной референции, являющейся простой реакцией на стимул. Например, при произнесении ребенком слова «молоко» выражается согласие с наличием молока или желание получить последнее. Произнесение слова «молоко» тождественно здесь произнесению безличных предложений, состоящих из одного слова: «Ветрено» (“It’s windy”); «Холодно» (“It’s cold”) и т. п. С ними можно согласиться только при наличии соответствующих сти-

мулов. Такого рода предложения Куайн называет предложениями случая, их особенностью является то, что в них не содержится ссылок на объекты. Отметим, что приведенные примеры предложений случая принадлежат Куайну и в английском языке грамматически идентичны с предложением Молоко» (“It’s milk”). Иначе обстоит дело с именами «стул» или «собака». Различие состоит в способе овладения словами: простой реакции здесь недостаточно, нам необходимо научиться отличать собаку или стул от другой собаки или другого стула. Данное различие в самом обыденном языке не обнаруживается. Эксплицировать такую референциальную разницу можно, считает Куайн, только на основе понятия **предикации**. Когда мы сравниваем уже не имена, а предложения с предикатами, мы фактически проводим границу между тем, что в онтологии Куайна называется **индивидуализирующими именами**. Так, мы можем получить высказывания «Молоко является белым» и «Фидо есть собака». Ясно, что в первом случае мы, указывая на молоко, одновременно указываем на белое; во втором же, при всем богатстве воображения, – указывая, скажем, на голову Фидо, мы на собаку (в английском языке перед словом «собака» должен стоять еще и неопределенный артикль) непосредственно не указываем. Итак, различие между именами проявляется только на уровне предложений с различным типом предикации. Таким образом, в целом трактовка референции у Куайна – обратная фрегеанской. Как известно, у Фреге значение предложений зависит от значений входящих в них имен (см., например, [2, с. 32]), и, если среди них оказывались пустые, то все предложение превращалось в бессмыслицу, как это имеет место, например, в предложении «Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна». Куайн же специально подчеркивает свое расхождение с Фреге, ссылаясь при этом на Бентама: «Рассмотрение предложений как фундаментальных элементов семантики, а имен и других слов – как зависящих от предложений, является плодотворной идеей, восходящей, по-видимому, к теории языковых фикций Иеремии Бентама. Бентам заметил, что вы вполне адекватно можете объяснить какой-либо термин, если способны показать, каким образом все контексты, в которых вы предполагаете его использовать, можно перевести в ранее понятный язык. Как только мы поняли это, философский анализ понятий или экспликация терминов получают прочную основу. Предложения начинают рассматриваться как первичные хранилища значений, а слова приобретают значения благодаря их использованию в предложениях» [3, с. 324]. Итак, «ответственность» за референцию несет предложение, а не слово. Очевидно, что, изменив синтаксическую форму предложения, мы получим, согласно такой трактовке, иную референциальную картину. Особое внимание, как уже упоминалось, Куайн уделяет предложениям с индивидуализирующей предикацией. Среди них оказываются такие, которые содержат сингулярные термины («Фидо есть собака»), а также предложения с множественной предикацией («Собаки суть животные» – одноместная предикация; «пять меньше семи» – многоместная). Итак, в процессе освоения языка и продвижения к более точным языковым формам мы уже получили:

- выражения реакций на стимул (предложения случая с необъективной референцией);
- индивидуализирующие сингулярные выражения (одно- и многоместная предикация с объективной референцией);
- индивидуализирующие множественные предложения (одно- и многоместная предикация с объективной референцией).

К этому списку Куайн добавляет связки, с помощью которых строится сложное предложение в обычном для логики смысле. Среди всех перечисленных видов предложений Куайн выделяет особо предложения с множественной многоместной предикацией, т. е., относительные множественные индивидуализирующие предложения. Дело в том, отмечает Куайн, что когда речь идет о сингулярных относительных предложениях, мы, меняя термин, все равно приходим к исходной форме предикации. Например:

«Монблан выше, чем Маттерхорн, но Маттерхорн круче» (1).

Это предложение говорит о Маттерхорне как об объекте x , который не так высок как Монблан, но круче него. Преципируя это Маттерхорну, получаем все то же предложение (1). Таким образом, находясь в границах сингулярной предикации, мы ничего не можем сказать о типе объекта. Такую возможность предоставляет только множественная относительная предикация, т. к. здесь появляются универсальная и экзистенциальная квантификации. Например:

«Все, что удалось спасти во время кораблекрушения, принадлежит государству» (2).

Это предложение преобразуется (при помощи уточняющих упорядоченных логикой местоимений) в предложение (3):

«Объекты x такие, что x спасен во время кораблекрушения, являются объектами x такими, что x принадлежит государству» (3).

Теперь, если вместо « x спасен во время кораблекрушения» будем употреблять $F(x)$, а вместо « x принадлежит государству» – $G(x)$, то получим предложение (4):

«Объекты x такие, что $F(x)$ являются объектами x такими, что $G(x)$ » (4)

Так, на основе приведенных преобразований, Куайн приходит к столь важному понятию связанной переменной: «если у нас есть относительные предложения, то получает реализацию объективная референция. Источником референции в относительном предложении являются ... местоимения «тот» или «который» вместе с повторениями в форме «это», «он», «ее» и т.п. Упорядоченные символической логикой, эти местоимения приводят к связанным местоимениям квантификации. Область переменных... охватывает все объекты, любые объекты могут выступать в качестве значений переменных. Принять объекты некоторого вида – значит рассматривать их как значения наших переменных» [там же, с. 328]. Последнее предложение приведенной цитаты принято называть онтологическим критерием Куайна.

Однако предоставляет ли обыденный язык в достаточной мере дифференцированные объекты для квантификации? Любой философ – аналитик даст отрицательный ответ, но при это попытается сначала осуществить неосуществимое, а уже затем, обнаружив явную

абсурдность таких попыток, построит некий другой, корректный язык. Итак, объекты, которые Куайн предлагает принять в первую очередь, исходя из обыденного языка, – тела. В грамматике обыденного языка тела задаются как единичными, так и редуцируемыми к ним общими терминами, как глаголами, так и предложениями в целом. Поэтому уже на уровне таких, казалось, бесспорных, очевидных объектов, как тела, естественная языковая онтология весьма расплывчата и неупорядочена, причем сразу в двух отношениях, т. к. «включает в себя множество объектов, которые определены неявно и неадекватно. Однако еще более важно то, что она не имеет определенной сферы: в общем мы не можем даже сказать, какие из этих неопределенных вещей включены в нее ... Но можем ли мы установить границу? Вопрос ошибочен: здесь нет никакой границы» [там же, с. 329]. Таким образом, Куайн выносит онтологическую проблематику за пределы естественного языка. На естественном языке, настаивает Куайн, говорить об онтологии можно только в отрицательном смысле. Связано это с тем, что вопрос о границе между бытием и небытием принадлежит философии и технической науке.

Категорию тел Куайн предлагает, в виду ее нечеткости, обобщить до категории физических объектов, в которую теперь включаются не только непосредственно тела или вещества, но также и события. Например, различные действия или взаимодействия можно рассматривать как различные пространственно–временные состояния тел или веществ. Так, президентство США (пример Куайна) является физическим объектом, но не телом: «Вещь в целом начинается во времени в 1789 г., когда пост занял Джордж Вашингтон, а завершит она свое существование только с последним президентством, т. е. по крайней мере два столетия спустя» [там же, с. 333]. Помимо тел и физических объектов в широком смысле требуются числа, причем с квантификацией. Квантифицируемые числа важны для формулировки количественных законов. Однако, сосчитав некоторые вещи, мы задаем некий класс. Тогда к нашей онтологии добавляются еще и классы. Классы используются, в частности, в различных таксономиях. И числа, и классы, в отличие от физических объектов – абстрактны. Из этих двух абстрактных объектов Куайн предлагает ограничиться классами, т. к. числа легко заменить классами. Пространственно–временные области, обобщающие категорию физических объектов, также, как оказалось, можно заменить классами. Например, если речь идет о классах четверок чисел некоторой произвольной системы координат. Тогда можно получить онтологию чистой теории множеств. Так, в результате своеобразной тройственной редукции Куайн получает сначала числа как классы, затем, в качестве вспомогательного шага, – физические объекты как пространственно–временные области, наконец, пространственно–временные области также как классы. Четвертый случай редукции возникает тогда, когда Куайн начинает исследовать менталистские термины. Он предлагает совершенно отказаться от дуализма тела и мышления, приняв только телесность. «Мы, – отмечает по этому поводу Куайн, – можем переинтерпретировать менталистские термины как обозначающие соответствующие состояния тела, и никто не заметит никакой разницы» [там же, с. 338]. Переинтерпретация возможна не только на основе редукции. Можно просто изменять объекты по специально введенному правилу. Правило, которое в онтологии Куайна называется функцией замещения и играет очень важную роль для расширения онтологических границ языка теории, позволяет приписывать каждому из уже имеющихся объектов единственного объекта нового типа. Очевидно, что функция замещения стандартно рекурсивна: всегда однозначна и везде непрерывна. Однако онтологические границы расширяются, но парадокс состоит в том, что это происходит внутри языка, т. к. меняется лишь интерпретация, и то согласно внутреннему в отношении языка правилу. Становится тогда ясно, что с точки зрения онтологии, предложенной Куайном на основе критики «безграничности» обыденного языка, граница языка с правилом замещения становится четкой до непреодолимости, и, следовательно, вопрос о референции (о соотношении объектов языка с внеязыковыми объектами) не может быть поставлен: все становится объектом языка, значением подкванторной переменной. Изменения внутри языка не влекут за собой изменений в мире, что естественно, но и обратной связи Куайн не обнаруживает, слишком велико доверие аналитиков к создаваемому ими языку. Референция остается непостижимой. Ее закрытость становится особенно очевидной, когда мы начинаем размышлять об отображении нашего языка в самом себе или занимаемся переводом» [там же, с. 339]. Тогда рассуждение об онтологии языка существенно релятивизируется: мы можем теперь говорить только о мире языка, изменить который можно одним лишь шагом, – применив правило замещения. На основании все того же правила все объекты можно превратить в объекты не просто языка, но теории. И лингвистический онтологический релятивизм становится онтологическим релятивизмом теоретическим: мир «должен иметь такую структуру, которая обеспечивала бы те последовательности стимулов, которые ожидает теория» [там же, с. 341]. Из сказанного следует, что само понятие мира, реальной действительности также релятивизируется: для двух разных языков или теорий нет одного и того же мира. Сам мир, бесспорно, существует, но сказать мы о нем ничего абсолютного не можем. Если это так, то понятия сущности и факта заключаются вместе с объектами в границы языка, единственным «ограничением» которого является правило замещения, конвенциональное по природе.

Итак, онтологические контуры языка, очерченные Куайном, предельно изолируют внутритеоретический мир от внешнего теории мира. Важные для онтологии термины сущности, факта, внешнего объекта релятивизируются и, по сути, утрачивают онтологический статус. С общеметодологической позиции Куайн, конечно, излишне жесток: теория ничего от мира не может требовать, напротив, структура теории детерминирована миром, который мы познаем. Тем не менее рассуждения Куайна заставляют нас обратиться к проблеме корректного использования терминов, в этом плане особую важность приобретает тезис Куайна о возможности употреблять только такие термины, которые можно свести к ранее известному языку. Именно этот принцип делает научный текст прозрачным, эксплицитным, точным и по–настоящему содержательно обобщающим.

Источники и литература

1. Куайн У. ван О. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. – Москва: «ДИК», «Прогресс–Традиция», 1998. – С. 322–342.
2. Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: «ДИК», Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 25 – 49.
3. Куайн У. ван О. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. – Москва: «ДИК», «Прогресс–Традиция», 1998. – С. 322–342.

Левин В.И.**В.И. ШЕСТАКОВ – УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК**

Виктор Иванович Шестаков родился 15 октября 1907 г. в Москве. Отец работал слесарем на Александровской железной дороге. Мать была домохозяйкой, после смерти мужа работала на вагоноремонтном заводе. Витя учился в 1-й Трудовой школе Наркомпроса до 1926 г. Он часто болел, находился под наблюдением в тубдиспансере. В школе он проявил склонность и способности к технике, физике и математике, занимался электричеством и радио, что дало привычку «мыслить физически и работать самостоятельно». В 1926 г. В. И. предпринял попытку поступить в ВУЗ – на электротехнический факультет МВТУ. Он выдержал конкурс по математике, но «провалил» политэкономии. Он пошел работать: служащим, чернорабочим на завод. С марта 1928 г. работал по направлениям Биржи труда. В 1928 г. В. И. Шестаков поступал в МГУ, но не прошел по конкурсу. Весной 1929 г. его принимают на химический факультет МВТУ. В 1929 г. он впервые совершил «пробу пера» в жанре студенческих научных работ. Эти его занятия завершились ходатайством о переводе его на физический факультет МГУ.

Переход в МГУ придал В. И. Шестакову новые силы. В июне 1934 г. он защитил на «отлично» диплом по теме, которой успешно занимался у проф. С. Э. Хайкина. Осенью 1934 г. В. И. Шестаков поступил в аспирантуру НИИФ МГУ (лаборатория теории колебаний). Его поселили в отдельной комнате. В качестве научного руководителя Виктору Ивановичу выделили проф. Горелика. Однако нормальные отношения между ними не сложились. Все темы диссертаций в лаборатории были связаны с теорией колебаний, а интересы аспиранта перешли к применению алгебры логики к схемам из реле. В январе 1935 г. он подготовил работу «Алгебра релейных схем», которая была трамплином для его последующих работ. В 1935 г. В. И. Шестаков женился на Г. А. Гурфинкель и переехал в ее комнату, где жила мать жены – Э. С. Гурфинкель. Он продолжает исследование под руководством проф. В. И. Гливленко, который обратил внимание Шестакова на рецензию Эренфеста по книге Л. Кутюра «Алгебра логики», в которой была высказана мысль об использовании алгебры логики применительно к релейно–контактным схемам. 1936-й год оказался для В.И. успешным: у него родилась дочь Ирина, а он завершил разработку аппарата для описания релейно–контактных и обычных электрических схем: первые рассматривались как вырожденный случай вторых. Диссертация В. И. называлась «Некоторые математические методы конструирования и упрощения электрических схем класса А». В ней Шестаков один из первых в мире применил к расчету электрических схем алгебру логики. Редактор журнала «Автоматика и телемеханика» В. И. Коваленков согласился было оппонировать и опубликовать материал в журнале. Однако, взяв диссертацию в марте 1938 г., он вернул ее через 1,5 месяца, отказавшись от обещаний. Оппонентами стали д. т. н. Лаврентьев из Наркомтяжпрома и проф. И. И. Жегалкин из МГУ. Защита состоялась 28 сентября 1938 г. В диссертации устанавливалось соответствие между соединениями электрических сопротивлений и логическими операциями. Заметим, что диссертацию В. И. защитил, не имея ни одной публикации! После получения степени к. ф.–м. н. В. И. Шестаков все годы работал преподавателем на физическом факультете МГУ – ассистентом, затем доцентом.

В январе 1940 г. в Физико-математическом реферативном журнале появился отклик на его диссертацию в реферате Д. И. Марьяновского статьи инженера В. А. Розенберга «Задача о блокировке и преобразование контактных групп» в журнале «Автоматика и телемеханика». Это было приятно, но В. И. показалось, что совпадает с его диссертацией. Он вспомнил, что в 1938 г. его диссертация находилась на просмотре у ответственного редактора этого журнала. Реакция Шестакова была быстрой. Он подготовил статью «Алгебра двухполюсных схем, построенных исключительно из двухполюсников (алгебра А-схем)» и письмо о совпадении статьи Розенберга и его диссертации, и вместе с копией своей статьи «Алгебра двухполюсных схем...» 25 апреля 1940 г. отправил в редакцию «Автоматики и телемеханики». Письмо в защиту своего сотрудника направили в редакцию директор НИИФ МГУ проф. А. С. Предводителев и проф. К. Ф. Теодорчик. Руководство НИИФ получило ответ из редакции о возможности опубликования их письма совместно с объяснениями В. А. Розенберга. 17 мая редакция получила письмо от Розенберга, где он объяснил, что содержание работ В. И. Шестакова ему не известно, алгебры Буля он не знает, а совпадения считает нормальным для специалистов, занимающихся в одной области. 23 мая в редакцию пришло повторное письмо от Предводителева с коррекцией текста. Однако редакция передумала выносить переписку на страницы журнала и отказала В. И. и директору НИИФ в опубликовании их писем о приоритете работ Шестакова, обосновав это тем, что вопросы приоритета должны решаться в суде. В итоге первая статья «Алгебра двухполюсных схем, построенных исключительно из двухполюсников (алгебра А-схем)» вышла в свет в марте 1941 г. С просьбой о защите приоритета в области применения алгебры Буля к электрическим схемам В. И. обращался и в Президиум АН СССР. Однако ответа он не получил, а обратиться в суд не решился. В итоге формально права на приоритет в данной области у Шестакова и В. А. Розенберга остались равными.